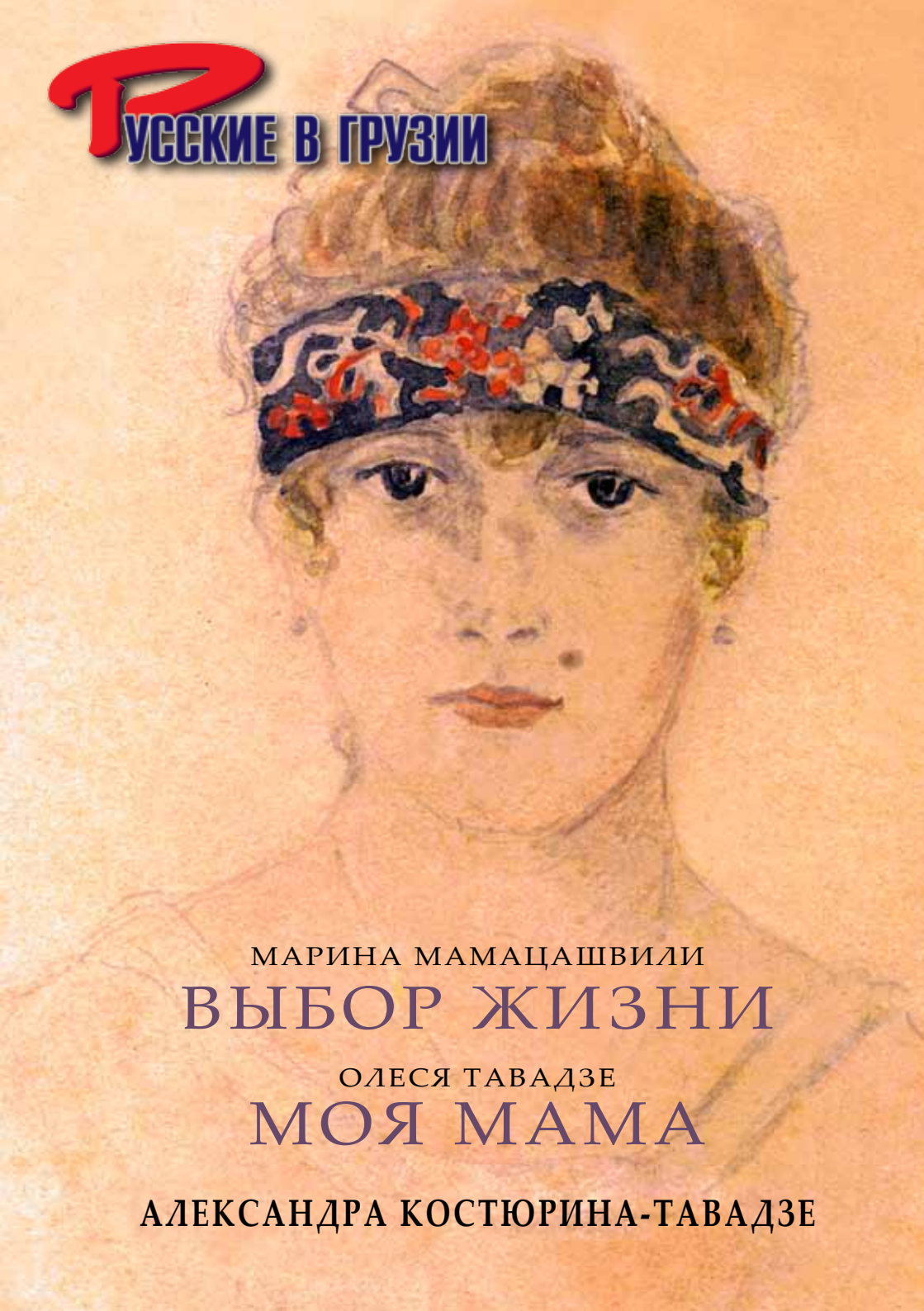

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ВЫБОР ЖИЗНИ

ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ
МОЯ МАМА

АЛЕКСАНДРА КОСТЮРИНА-ТАВАДЗЕ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ВЫБОР ЖИЗНИ

ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ
МОЯ МАМА

АЛЕКСАНДРА КОСТЮРИНА-ТАВАДЗЕ

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

При финансовой поддержке:

«Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы» и «Правительства Москвы»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-1801-1

Бердянск. — Berdiansk. № 3.
Азовский проспект и памятник Александру II.

МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ ВЫБОР ЖИЗНИ ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Героиня нашего рассказа Александра Костюрина-Тавадзе — художник редкостного дара была яркой личностью, со сложной судьбой, в которой скрестились дарованный свыше самобытный талант, независимость характера и жесткие обстоятельства времени. Эта постреволюционная эпоха вошла в историю канувшей в прошлое страны, по определению Осипа Мандельштама, как век-волкодав. Возможно, именно эти обстоятельства и стали причиной того, что

в биографии нашей героини так много белых пятен. Александра Григорьевна никому, даже самым близким людям, не рассказывала о том, сколько и какие драмы выпали ей в удел. Точную формулу подобного поведения дал выдающийся грузинский философ Мераб Мамардашвили: «Это особого рода трагизм, который содержит абсолютный формальный запрет отягощать других, окружающих, своей трагедией».

Самым сложным в работе над

Шурочка Костюрина

биографией Александры Григорьевны был поиск некоторых фактов и подтверждающих их документов. Порой их вовсе не было. И тогда приходилось буквально «цепляться» за обрывки фраз в письмах, намеки в записках, надписях на фото. Но благодаря этим «сокровищам», разбросанным по годам в массе уже ветхих бумаг, удалось увидеть и понять человека. И когда мне, автору этих строк, пришлось пристально и, естественно, с пристрастием вглядываться в перипетии и повороты ее судьбы, появилось убеждение, что главной особенностью этой удивительной женщины было умение открывать дверь в другую жизнь и находить в себе силы идти вперед не оглядываясь.

Ее жизнь делится на несколько периодов. Разных по драматичности и насыщенности светлыми поворотами судьбы. Но самым ярким – личным и профессиональным – отрезком жизни был грузинский. Судьба привела ее в Грузию по большой любви и предоставила ей в каком-то смысле компенсацию за все пережитое до этого. Родившаяся здесь дочь – Олеся Тавадзе унаследовала от матери талант художника и идет в искусстве своим собственным и оригинальным путем. И при том, что у Александры Григорьевны было также исключительно свое видение и понимание искусства, с дочерью ее сближает одно – поиск и обретение красоты и гармонии во всем.

УЕЗДНЫЙ ГОРОД БЕРДЯНСК

Она родилась в первый год XX века в семье, достаточно известной в Бердянске. Отец Григорий Федорович Костюрин из старинного дворянского рода, мать Праксovia Львовна Гончарова – дочь соборного священника. Назвали девочку Шурочкой. Она вступила в жизнь в уютном особняке с садом на одной из красивых улиц города – Славянской, на которой высились два православных храма

Бердянск. Городской театр

– Петропавловский и Вознесенский и много важных для города зданий: Дворянское собрание, Купеческий клуб, уездное казначейство, военное ведомство, цирк «Лапиадо» и другие здания интересной архитектуры. К сожалению, сегодня тут осталось немного строений, выстоявших в бурях времени, но, по мнению знатоков города, улица не утратила дух того прошлого, когда возникла.

В 1921 году улицу переименовали в Интернациональную. Позже, в восьмидесятые годы, она стала называться Ля-Сейнская в честь французского города-побратима Ля-Сейна. Эти перемены названий символично отражали перемены в общественно-политическом устройстве и города, и страны в целом. А подробности развития

Бердянска дореволюционного периода интересуют нас, естественно, в связи с жизнью нашей героини в «благословенной провинции», так с ностальгией называл уездный город своей юности известный писатель-эмигрант Дон Аминадо.

Бердянск – портовый, торговый и промышленный город у Азовского моря. Отцом-основателем города по праву считается граф Михаил Семенович Воронцов, генерал-губернатор Новороссии. Именно его стараниями возник порт и вокруг него вырос город, годом рождения которого считается 1827-ой. Основной целью строительства порта и пристани был вывоз морем за границу зерна из Приазовья и Левобережья, для продажи которого нужен был рынок.

М.С. Воронцов активно до-

Прасковья Гончарова – мать Шурочки

бывался выделения денежных средств не только на строительство пристани, но и на строительство молодого города, на который он возлагал большие надежды. Начальником порта и города был назначен Петр Петрович Шмидт, который очень много сделал не только для расширения порта, но развития и благоустройства Бердянска, его европейской ориентации. Контр-адмирал Шмидт прокладывал улицы, мостил их булыжниками, на свои средства заложил парк, который до сих пор носит его имя. Журналист Н. Лауданский отмечал в 1901 году: «Замечательное внешнее благоустройство, столь редкое среди наших уездных

провинциальных городов...».

Более десяти лет семья контр-адмирала прожила в Бердянске, его сын Петр Шмидт окончил здесь мужскую классическую гимназию, а спустя годы приобрел историческую известность участием в мятеже на крейсере «Очаков» и Севастопольском восстании 1905 года.

Бердянск стремительно рос, и когда Шурочка пошла в первый класс Первой женской гимназии, город уже снискал себе славу «большого туза и капиталиста по зажиточности своих граждан», по словам писателя Н.С. Лескова. На улицах звучала речь на многих языках. Интересы иностранных фирм в городе защищали открытые здесь консульства. Строились особняки

Григорий Федерович Костюрин – отец

Женская гимназия. Бердянск

купцов-негоциантов, которые были посредниками в торговле с зарубежными государствами. В полную силу работали 200 зерновых магазинов-складов и самые разные предприятия местной промышленности. Три завода по производству сельскохозяйственной техники, владельцами которых были иностранцы, обеспечивали потребности не только одной губернии. Завод британского подданного Джона Гриевза называли самым крупным в Европе предприятием по выпуску земледельческих машин и оборудования. Город уже в первые годы XX века стал центром торговли юга России.

Бердянск (при том, что считался провинцией) по праву слыл городом высокой культуры. Процент грамотного населения в Бердянске

Шуручка с братьями Борисом и Виктором

Ученицы выпускного класса гимназии

был выше, чем во многих других, несравнимо больших городах. Вот интересный факт: успехи Бердянского земства в народном образовании позволили ему принять участие во Всемирной Парижской выставке 1900 года, представив экспонаты, подтверждающие уровень образования. Результатом стала высшая награда – золотая медаль.

В городе работали три библиотеки, четыре книжных и два музыкальных магазина, частный летний театр в саду Гурского, несколько кинотеатров. В городском казенном саду всегда звучала духовая музыка. Но особой гордостью жителей был Зимний театр на Театральном проспекте. Внешний облик театра сравнивали и со знаменитым Одесским, и даже с

Большим театром в Москве. А какая благородная традиция отличала этот театр: спектакли часто носили благотворительный характер, средства от них шли в пользу нуждающимся!

Сегодня у входа в городской парк, рядом с Домом культуры имени Николая Островского (автора романа «Как закалялась сталь», чье имя также помнит Бердянск), сидят два литературных персонажа – «сыновья лейтенанта Шмидта» – Остап Бендер и Шура Балаганов. И эта пара работы скульптора Г. Франгуляна напоминает нам и о любимом произведении, и о той неповторимой эпохе, которую пережил этот особенный уездный городок. А особенность его и в том, что с жизнью Бердянска связано

Парк П.П. Шмидта

много известных имен. Мужскую классическую гимназию окончил будущий выдающийся бактериолог, иммунолог и эпидемиолог, создатель вакцин против холеры и чумы Владимир Хавкин. А что роднит Нобелевского лауреата Ивана Павлова с Бердянском? Однажды в Петербурге на одном из литературных вечеров будущий создатель учения о высшей нервной деятельности Иван Петрович увидел и влюбился в 18-летнюю Серафиму Карчевскую. Она была дочерью директора Первой женской гимназии Бердянска и окончила ее с золотой медалью. Иван Петрович в своей автобиографии много лет спустя напишет, что «...долго искал хорошего человека, верного друга и нашел его в моей Серафиме Васильевне, урожденной Карчевской,

терпеливо перенесшей невзгоды нашего допрофессорского жития».

Гимназия, которая была на особом счету в Бердянске, – Первая женская открылась в 1874-1875 гг. в специально построенном городской Думой здании на углу Театрального и Азовского проспектов. В первые десятилетия существования гимназии ее начальницей была Карчевская. Потом ее сменила Елена Венцель, которая неукоснительно соблюдала традиции, заложенные ее предшественницей. Именно Е.В. Венцель была директором во время учебы Шурочки, и при ней последний выпуск восьмого (педагогического) класса в 1919 году завершил историю Первой женской гимназии Бердянска.

Вид на Петропавловскую церковь

ГОД СУРОВЫХ ПЕРЕМЕН

Из письма
Александры Григорьевны
Костюриной
13 января 1966 года:

«...Я летом была в Бердянске... на старом пепелище. Память о прошлом неизгладима».

В городе своего детства она, конечно же, виделась со своими гимназическими подругами. С некоторыми из них она встречалась и в Москве в 1960-м. Лидер по характеру, именно она была иници-

атором и организатором встречи гимназисток, последний выпуск которых пришелся на очень тяжелый 1919 год. Наверно, на той встрече они говорили о прошлом и многое вспоминали...

А вспоминать Шурочке было что. Уютный дом, огромный сад и много цветов, которые она так любила. И не только любила, но и рисовала. С детства рисование было ее самым любимым занятием. До восьми лет она получала домашнее образование, ее обучали французскому и немецкому языкам. Потом – первый класс гимназии. Шурочка была веселым человеком. Это и по снимкам заметно. Совсем маленькой ею еще можно было управлять: поставили перед фотографом и строго сказали – будь серьезной. Она выполнила. А когда подросла, выглядела так, как

Педагоги Первой женской гимназии

ей хотелось. У всех гимназисток волосы подобраны, а у Шурочки – распушившаяся челка. Принимайте такой, какая есть.

Кроме старшей Шуры, в семье были две девочки и два брата. Девочки ушли из жизни в младенчестве. С братьями Борисом и Виктором у Шуры была тесная дружба. В семье вообще царили любовь и теплые отношения. С многочисленными родственниками общались постоянно. Об этом можно судить по массе праздничных открыток, которыми они обменивались на Рождество, Пасху, Дни ангелов. Александра Григорьевна бережно хранила эти открытки, письма, фотографии. Пожалуй, для нее это было единственной возможностью вспоминать о том, что ей было дорого и что она потеряла.

Среди хранящихся в ее архиве открыток одна выделяется особенно. Восемнадцатилетняя Шурочка записала то, что ее потрясло.

Коротко, одной фразой: «Приезд матросов (босяков) большевиков». Объяснение этого события можно найти в мемуарах полковника Аболянца, который руководил расквартированным в городе пехотным полком. Вот фрагмент воспоминания: «В конце февраля в один день к вечеру отряд в 300 человек черноморских матросов занял Бердянск. Арестовали много офицеров (400-500 человек). Ревсовет, зная настроение городского населения, настаивал на освобождении офицеров. Матросы хотели вывезти нас в Севастополь, но к ночи нас неожиданно освободили, и через два дня, пограбив там, где могли, матросы ушли из Бердянска. Моя комната в гостинице была очищена, не осталось даже носового платка».

Что вынесли из дома Шурочки, как повели себя грабители, что стояло за этой краткой строчкой – неизвестно. Александра Григорьевна

Дом, поврежденный при обстреле Бердянска с моря

никогда не говорила об этом.

В мемуарах того периода называются причины глубокого недовольства не только офицеров пехотного полка, но и жителей Бердянска действиями актива большевиков, которые узурпировали власть и занялись реквизициями, попросту говоря – грабежами. Исследователи событий того периода рассказывают, что весной большевики начали вывозить из города материальные ценности, прежде всего, зерно. Эвакуация велась через порт. Офицеры под руководством полковника Аболянца восстали, чтобы помешать вывозу ценностей. 26 человек были арестованы. Советскую власть свергли. В ответ

моряки-черноморцы, которые вели эвакуацию грузов, из орудий, установленных на судах, обстреляли Бердянск. Были убиты и ранены несколько десятков человек, разрушены и повреждены 40 жилых домов (как в центре, так и на горе), магазины, портовые постройки. От артобстрела пострадал кафедральный Вознесенский собор, церковь мужской гимназии, католический костел Пресвятой деви Марии.

В это время к городу подошел крупный отряд полковника Дроздовского. 19 человек из состава совета большевиков без суда и следствия были расстреляны. Узнав о прибытии дроздовцев, красные ушли из города, не принимая

Екатеринослав. Сюда из Бердянска бежали Костюрины

боя. Дроздовцы ушли, а следом через день вошли немцы и австрийцы.

Как продолжалась в то время жизнь в городе сложно представить... Стало очень трудно с продуктами. Ритм жизни резко нарушился. Но надо было обязательно окончить гимназию. В педагогическом восьмом классе учились лучшие ученицы. И этот аттестат давал возможность в будущем преподавать. Так было всегда. И никто не думал о том, что все может радикально перемениться.

...С высоты сегодняшнего дня понимаешь правильность и точность мысли Отто фон Бисмарка: «Изучая минувшее, можно предугадать будущее».

В течение года власть в городе постоянно менялась, переходила из рук в руки петлюровцам, гет-

манцам Скоропадского, деникинцам, махновцам, красным, белым.

В марте 1919 года из Бердянска ушли деникинцы. И наступил второй этап установления советской власти в городе. Была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности — ЧК. Главной задачей была борьба с контрреволюцией, а средствами — красный террор. Вот что горем обрушилось на семьи «бывших» — дворян, купцов, священников. И не обошло трагедией семью Костюриных. В середине марта в Бердянск вошли махновцы. Практически в городе установилось двоевластие, которое продолжалось до конца июня. А в июле войска Деникина вновь заняли Бердянск.

Костюрины к этому времени из города уехали. Но отца с ними не

Работы А. Костюриной – «Цветы»

Екатеринослав. Магазины купцов Джигит

было. Что произошло с главой семьи? Ни в одном из писем того периода нет упоминания его имени и его судьбы. И это понятно: бумаге к тому времени уже ничего нельзя было доверять. Можно только предполагать, что Григорий Федорович в период «красного террора» был расстрелян, как и многие из его сословия в этом городе. Эта трагедия предопределила отъезд семьи из родного Бердянска. Они переехали в Екатеринослав, в квартиру, которая, судя по всему, принадлежала отцу. Это предположение можно подтвердить тем, что письма на имя Григория Федоровича в свое время направлялись на адрес магазина самой влиятельной династии караимских предпринимателей Екатеринослава купцов Джигит (табачное производство,

бакалейная и винная торговля). Возможно, у Григория Федоровича была здесь определенная доля коммерческих интересов.

1919 год перевернул жизнь семьи Костюриных. Братья Борис и Виктор разъехались – искать свое пристанище в жизни. Шура осталась с матерью. Больше года она пробыла в Екатеринославе. Искла работу, нашла что-то временное, но не по душе. Все это время она рисовала: набрала полную папку. При всей многотрудности жизни, выпавшей всей семье, Шурочка строго соблюдала традиции, обычаи, заложенные ее родителями. Одной из таких традиций было обязательное чтение газет в семейном кругу. И спустя годы в письмах к матери она непременно делится с ней новостями и статьями, которые ей по тем или иным причинам понравились. Именно из газет она вычитала о создании ВХУТЕМАСа, и эта информация обусловила ее решение ехать в Москву. Таким стал ее выбор новой жизни.

Здание ВХУТЕМАСа

МОСКВА. ВХУТЕМАС. ЗАМУЖЕСТВО

Высшие художественно-технические мастерские – ВХУТЕМАС были созданы декретом Совнаркома от 19 декабря 1920 г. путем слияния 1-х и 2-х Свободных государственных художественных мастерских, возникших в 1918 году на основе Училища живописи, ваяния и зодчества и Императорского Строгановского училища. Что вывело его к жизни?

Стране была нужна своя пролетарская культура, и студенты ВХУТЕМАСа должны были стать теми, кто наполнит все пространство СССР произведениями нового искусства. В высшем художественном училище объединили художественные и производственные специальности.

Между тем ВХУТЕМАС в основе своей имел замечательное наследство – высокопрофессиональное, продуманное и в высшей степени демократичное. Шура Костюрина, как и все интеллигентные и образованные люди того времени, прекрасно знала, что представляло собой Строгановское училище, как и чему там учили и кто были преподавателями как Строгановки, так и Училища живописи, ваяния и зодчества.

Надо отдать должное графу Сергею Григорьевичу Строганову – основателю Училища: он полагал рисование главным и необходимым умением художника, а опирался в этом мнении на авторитет Джорджо Вазари, который утверждал, что рисование является отцом трех искусств: живописи, архитектуры и скульптуры. Граф был не только прозорливым, но и на редкость для своего времени либеральным. Вот посудите: Строганов открыл школу для подростков не моложе 12 лет, которые учились расписывать ткани, фарфор и другие предметы роскоши. И понимая, что таланты нужно искать не только в среде аристократов и богачей, граф принимал одаренных детей крепостных, разночинцев, имеющих способности к художественному творчеству и обучал их бесплатно. И не только обучал, но и снабжал бесплатно всем, необходимым для рисования. Созданная в 1825 году «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам» за два века тринадцать раз меняла имя. Но имя Строганова не забывалось никогда. А говоря о демократии, нельзя не отметить, что при училище (и это в то время!) было открыто женское отделение на 50 учениц, а также бесплатные воскресные рисовальные классы для лиц всех сословий и возрастов. Спустя годы граф подарил Школу Москве, и она стала государственным учебным заведением по подготовке художников декоративно-прикладного искусства. Выпускни-

ки Строгановского промышленного училища и Училища живописи, ваяния и зодчества имели фактически тот же статус, что и выпускники Петербургской Академии художеств.

ВХУТЕМАС на первых порах сохранил основные традиции Строгановки и Училища. Принимали всех желающих, однако отбирали по качеству представляемых работ и после экзаменов: по живописи (этюды натюрморта и портрета) и по рисунку. Экзамены проходили в большом физкультурном зале здания на Рождественке. Всех выдержавших вступительный экзамен распределяли по группам. Не имевших среднего образования отправляли на рабфак. Надо сказать, что в начале 20-х годов много было не имевших не только среднего, но и вообще образования. Шурочка с ее двумя свободными иностранными языками, а также полноценным гимназическим образованием не проявляла своих знаний из страха обнаружить свое дворянское происхождение. В 30-е годы частью жизни Шуры стал рабфак – это была ее «охранная грамота», своеобразная путевка в жизнь.

...Как она добиралась в 1920-м до Москвы из Екатеринослава? Где и как она жила в первые дни после приезда в Москву? Нет ответа на эти вопросы. Однако главным подтверждением ее учебы во ВХУТЕМАСе стали воспоминания об учителе Павле Петровиче Пашкове, его яркой и светлой личности. Александра Костюрина, будучи в Москве в 1953 году, узнала о за-

Группа студентов ВХУТЕМАСа

крытии мемориальной выставки П.П. Пашкова и горько сожалела о том, что не смогла побывать на выставке своего любимого и высокочтимого педагога. Имя этого художника, как и многих прекрасных рисовальщиков, живописцев и графиков довольно долго было предано забвению. Но в последние годы в ряде московских галерей появились работы Пашкова и его современников. Он учился в императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Преподавал рисунок, композицию, курс стилизации и вел класс «Русский стиль» в Центральном Строгановском училище технического рисования. Был награжден медалью на Всемирной выставке в Париже «за труды по художественному образованию».

После расформирования Строгановского училища преподавал во ВХУТЕМАСе с 1918 года до 1926-го, на факультете конструирования одежды в Московском текстильном институте был деканом факультета композиции. Является одним из основателей Государственной центральной театральной библиотеки.

«Увидеть главное и определить характер того, что рисуешь», — одно из наставлений профессора Пашкова, твердо усвоенное его ученицей Александрой Костюриной.

Возрастной и социальный состав студентов ВХУТЕМАСа был чрезвычайно пестрым. Многие были в шинелях — прошли войну. Много было студентов из далеких

Москва. 20-е годы XX века

окраин России, большой процент составляли рабфаковцы. Возраст колебался от восемнадцати до сорока и более лет.

Шурочка так же, как и все поступавшие вместе с ней прошла курс обучения на Основном отделении ВХУТЕМАСа. Здесь первые два года они приобретали общую художественную культуру, изучали основные элементы и средства художественного формообразования: цвет, пространство, поверхность, объем, а также методы и язык композиционного творчества – пропорции, ритм, динамику, контрасты, закономерности зрительно-го восприятия предметной среды.

Период учебы совпал с тяжелыми, голодными и холодными годами жизни в Москве. Во ВХУТЕМАСе в общежитии было ежедневное существование на полуголодном пайке, зимой студенты с санками и топорами отправлялись в лес за дровами.

Небольшой хлебный паек, пшено, сахарный песок, а еще картошка, немного сала – вот почти весь рацион питания. Это было основой обедов и ужинов. Но это не мешало радоваться общению друг с другом и преподавателями. Здесь работал большой и очень интересный коллектив преподавателей. Известные всему миру Константин

Мельников, Эль Лисицкий, Владимир Татлин, Александр Родченко, Анна Экстер, Павел Флоренский, Роберт Фальк, Любовь Попова, Людмила Маяковская и другие не только разрабатывали прогрессивные методы обучения, но и готовили художников-мастеров. И самое важное: здесь закладывались основы общей эрудиции, «основного» образования, которое строилось на стыке трех видов дисциплин — художественных, научно-технических и гуманитарно-общественных. Это было обучение искусству с трудом, с практикой, с жизненно важной деятельностью.

При всем разнообразии и насыщенности преподавания были свои и довольно острые проблемы. Некоторые исследователи этого периода деятельности ВХУТЕМАСа указывают, что определенные сложности были вызваны сменой ректоров и того, что у каждого из них была своя концепция построения учебного процесса. Не будем подробно останавливаться на всех концепциях и личностях ректоров. Нас интересует период Владимира Андреевича Фаворского, именно тогда училась Александра Костюрина.

В 1921 году, по рекомендации Фаворского, во ВХУТЕМАС был приглашен на должность профессора Павел Александрович Флоренский. Шурочке довелось, а правильнее будет сказать, посчастливилось слушать на Основном отделении лекции Флоренского «Введение в теорию пространственных

искусств». Павел Александрович студентам говорил не только об искусстве, но и о том важном, что запоминается навсегда и становится жизненной позицией. «Жизненная задача — не в том, чтобы прожить без тревог, а в том, чтобы прожить достойно...», — говорил П.А. Флоренский.

И здесь хотелось бы вновь напомнить читателям о том, в какое время выпало жить нашей героине. Спустя несколько лет после работы во ВХУТЕМАСе Флоренский был арестован, сослан на Соловки, а в 1937-ом расстрелян. Долгие годы имя этого выдающегося ученого и великой личности было запрещено упоминать. И то, что Костюрина с молодых лет была приучена молчать, не говорить вслух о том, что волновало, так как эти слова могли повлечь за собой трагедию не только для нее лично, но и для близких, в большой степени сформировало ее характер.

У Александры Григорьевны Костюриной, по рассказам ее дочери — известной грузинской художницы Олеси Тавадзе, было много записей в объемистых тетрадах. Она с ними не расставалась и, отправляясь летом в деревню, возила с собой. Там в ее отсутствие случился пожар. Сгорело очень много дорогих Александре Григорьевне вещей: картины, книги, этюды, холсты, наброски, коллекции грузинской национальной одежды. И дневники. Как много подробностей ее жизни, времени, эпохи можно было почерпнуть из этих унесенных

огнем записей. Для нее этот пожар стал очередной драмой в ее непостоянной жизни.

...Одним из пяти факультетов ВХУТЕМАСа был текстильный. На факультете, где неполных два года проучилась Костюрина, преподавали Людмила Маяковская, Варвара Степанова и Любовь Попова. Они обучали студенток (девушек было подавляющее большинство) создавать на тканях сложные и интересные принты, преподавали им основы художественной композиции и учили работать с цветом. Старшую сестру Владимира Маяковского Людмилу специалисты называют выдающимся мастером текстильного дизайна, считается, что ее творчество заложило основу прикладному русскому авангарду.

Можно предположить, что Шурочке удалось видеть и слушать Владимира Маяковского. Он бывал и на Рождественке, в здании бывшего Строгановского училища, и на Мясницкой, в студенческом общежитии. Раньше на Мясницкой было Училище живописи, ваяния и зодчества, где поэт когда-то учился. По воспоминаниям, широкая лестница здания ВХУТЕМАСа на Рождественке и зал наверху со стеклянной крышей были своего рода общественным форумом школы. На лестнице проходили диспуты, митинги, собрания, по ней провозжали с вечеров Маяковского. Он любил приходить сюда, его восторженно встречали студенты.

...Программы факультетов ВХУТЕМАСа составлялись при

консультации представителей различных предприятий и отраслей промышленности и хозяйства. Конечно, среди них были и текстильные комбинаты. И надо сказать, что текстильная промышленность не с нуля начала свое развитие в советское время. До революции текстильное производство крепко стояло на ногах. В России было очень много крупных производителей текстиля. Достаточно назвать хотя бы одно имя. Савва Морозов – предприниматель, инициативы которого позволили этой отрасли выйти на новый уровень. Во второй половине XIX века он в сжатые сроки превратил ее в одну из лучших в Европе. Его текстильные изделия успешно соперничали с товарами иностранных производителей, а иногда и побеждали в этой конкуренции. В конце XIX века на фабриках Саввы Морозова ежегодно производилось почти два миллиона метров добротной и качественной ткани. В 1912 году текстиль составил 40% всей российской продукции. Это говорит о том, что текстильная промышленность была ведущей. По валовому производству текстиля Россия очень близко подошла к ведущим странам Европы.

Итак, главной задачей текстильного факультета ВХУТЕМАСа была подготовка не просто рисовальщиков, создающих дизайн тканей, а профессионалов, знающих технологию художников-текстильщиков. Костюрина получила здесь знание ремесла и опыт художника, кото-

Преподаватели и студенты текстильного факультета

рый знает, как претворять идею в рисунок, а затем переносить его на ткань.

Однако до того времени, пока она стала пользоваться этим опытом, прошли годы. И за это время многое в жизни Шурочки изменилось. Она вышла замуж. Неожиданно и скоропалительно, как чаще всего в то время происходило. Семья Владимира Рутченко жила в Екатеринославе. Встретились они в дороге: он по делам был в Москве и ехал повидаться с родными, она должна была навестить маму. Рутченко работал в Одессе. Вскоре поженились. Шурочка ушла из ВХУТЕМАСа. Ей трудно было расстаться с тем, что ее влекло и составляло огромный интерес в жизни. Но совместить замужество с учебой оказалось невозможным.

Где работал Рутченко, чем он конкретно занимался — доподлинно неизвестно. Шурочка недолго с ним прожила. Причем бесповоротно вычеркнула его из своей жизни. Вплоть до того, что свою дочь, которая родилась в Ленинграде, он не видел и не знал. И фамилию она дала дочери свою, а спустя несколько лет девочка стала Тавадзе: это была фамилия любимого человека, который любил и воспитывал ее, как свою родную дочь.

Шурочка назвала дочь Люциной, в то тяжелое время маленький человечек стал для нее светом, наполнял ее сердце надеждой на перемены к лучшему. Невзирая на трудный и тяжелый быт. Вопреки всему.

К тому времени мать Шурочки Прасковья Львовна получила ком-

Панно «Парашютисты»

Панно «Сбор урожая»

«В деревне»

«Мне 20 лет»

Автопортрет

Образец агиттекстиля – «Рыбаки»

нату в Ленинграде и переехала сюда из Екатеринослава. Судя по рассказам и воспоминаниям родственников и близких, у семьи Костюриных в Петербурге был доходный дом. Его, естественно, национализировали. В этом ли доме получила бывшая домовладелица комнату или в другом, сейчас трудно сказать. Но именно сюда, к маме, переехала Шура с Люциной. Мама стала ей опорой и помощницей в те нелегкие годы. Брат Борис в Ленинграде окончил институт, начал работать инженером-мостовиком, женился.

А вот точного ответа на вопрос, что же случилось между Владимиром и Александрой, из-за чего произошел такой жесткий с ее стороны разрыв, нет. Остались только два письма от Владимира, адресованных Шуручке. Он умоляет ее

вернуться, хотя в письме читается и понимание того, что ее решение окончательное и пересмотру не подлежит. А по крупным скучной информации в этих письмах можно предположить, что Владимир Рутченко работал в губернском суде. Что представляла собой Одесса в тот период – известно по многочисленным воспоминаниям очевидцев и историческим фактам. До 1923 года – до губернских судов – работал революционный трибунал. Можно назвать главный лозунг тех лет: он очень точно отражает события, которыми были наполнены одесские будни. «Будем вешать и расстреливать всех, кто посмеет задерживать дорогу буйному потоку революции»... И вешали, и расстреливали...

Из письма Владимира Рутченко – 2 апреля 1925 года:

«...ты, наверно, решила окончательно не писать, а я всей душой рвусь к тебе, мучаюсь своим глупым положением, проклинаю тот день, когда выехал в эту злосчастную Одессу, которая принесла мне столько страданий...».

По всей видимости, ни заклинания Рутченко, ни его мольбы и увещевания не действовали на Шуручку. Ее ничего в Одессе не удерживало. Ни личная жизнь, ни общественно-политическая. И снова судьба повернула свой ключ в ее дверях...

Ленинград. 30-е годы

ЛЕНИНГРАД. 30-е ГОДЫ

Ленинград после всех виденных ею городов показался ей музеем. В ее представлении художника сам по себе город был произведением искусства. Но времени на путешествия и экскурсии по городу и музеям у Шурочки не было. Надо было работать.

Мечту о рисовании пока пришлось отложить. Люцина подрастала, и ей необходимо было все больше и больше не только продуктов, но

одежды, игрушек, тетрадок, ручек и карандашей, книг и много чего еще.

Кто и как помог ей поступить на работу в ГИПХ, неизвестно. Возможно, она нашла работу по объявлению. ГИПХ – это Государственный институт прикладной химии. Находился он на Ватном острове. Остров еще в 1919 году был отдан науке. Здесь в корпусах спиртоочистительного завода вначале размещился Химический институт оборонной промышленности, а в 1924 году его переименовали в ГИПХ. Это был первый в стране научно-исследовательский институт химического профиля.

По всей вероятности, Александра Костюрина работать начала в лаборатории. Сохранился снимок:

Рабфак им. Октябрьской революции

Шурочка за столом, перед ней портфель и книга. Ключевое слово этого периода – читает. Она много, очень много читает. Как она ухитрялась совмещать чтение того, что никоим образом не касалось химии, трудно сказать! Да и еще в то время, когда за малейшую провинность, скажем, за опоздание на работу на 5-10 минут могли сослать в лагерь на Севере.

Из письма Александры Костюриной – январь 1933 года:

«...Посещаю библиотеку. Роюсь в таких книгах, что дух захватывает... Я на все набрасываюсь с жадностью и любовью, с восторгом, не могу этих чувств выразить сейчас словами.

...Готовлю обед Люце, тороплюсь в библиотеку, как на любовное свидание с книгами...».

И еще одно увлечение: выставки. Практически ни одну выставку в Ленинграде, да и в Москве Шурочка не пропустила. За этим, конечно, стояла ее до сих пор не утоленная любовь к рисованию. Но не только. Шурочке надо было быть в курсе всего, что происходит в изобразительном искусстве. Она повидала многое: в двадцатые годы модерн, конструктивизм, авангард ворвались в искусство мощным всплеском идей и воплощений.

Агиттекстиль, которым во ВХУТЕМАСе увлекались, не стал для нее художественным приоритетом. Она была согласна с автором газетного фельетона, который охарактеризовал рисунки на тканях одной, но точной фразой – «Спереди трактор, сзади комбайн». Рисунки с серпом и молотом, силуэты самолетов, танков, заводов, буденовок старые

художники-текстильщики встречали не то что неоднозначно, враждебно. Хотя это неприятие таило опасность — могло быть воспринято как саботаж революции. Но ведь политическая идея, которая «ворвалась» в ткань и текстильную композицию, полностью разрушала связь орнамента и костюма, а ведь эта гармония существовала многие века.

У Костюриной было художественное чутье, она понимала, что агиттекстиль — порыв времени, который непременно уляжется. Как сильный ветер или непогода. И на выставках Александра Костюрина находила не только ответы на свои вопросы, но и то, что ее вдохновляло. Свое будущее, несмотря на трудности ее нынешних будней, она связывала с профессией художника.

Будучи в Москве на выставке

французской живописи, Шурочка познакомилась с высоким, худощавым грузином. Хотя точнее сказать, не она, а он познакомился с ней. Не сводил с нее глаз. По выставке они бродили допоздна. Пимен Тавадзе после окончания геолого-биологического факультета Тбилисского государственного университета поступил в аспирантуру. Его выбором было виноградарство. Все в нем показалось ей необычным: его сдержанная манера, «хромающий» русский язык, серьезная увлеченность биологией и любовь ко всему живому, к природе.

На следующий день после знакомства Шура уехала. И следом полетело к ней письмо. Они стали интенсивно переписываться. И рассказывали друг другу все о себе.

Здание ГИПХа на Ватном острове

Александра с дочерью Люциной

Из письма Александры Костюриной – март 1933 года:

«...На днях мне пришлось побывать в лабораториях при Академии наук. Это очень старое здание эпохи Петра Первого. Было уже поздно, кое-где горели лампы и цветистые реактивы и стеклянная химпосуда в полумраке при низких, сводчатых потолках создавали впечатление каких-то неясных, дымчатых представлений, вспомнились маги, чародеи, и казалось, целые сонмы духов витали в воздухе. Мелькнула мысль, что в такой обстановке, заклинаниями, напряжением воли можно из туманной дали вызвать милое лицо...».

Шура познакомила его с мамой и Борисом. И еще. Шурочка начала изучать грузинский язык.

«...сейчас продолжаю вкушать «ткбили чурчхелу» по орешку, по зернышку, так как каждая буква, слово грузинского письма поглощается мною с большим аппетитом... Изучаю даже на службе... пишу украдкой».

В этом же письме прорывается «дыхание» времени. Хотя правильное было бы сказать – тяжелая аритмия 30-х годов.

«На заседании цехкома вынесли постановление «46» – (по списку жертв) – 4-х человек исключили из партии, двух сняли с работы и уведомили тройку. Остальным строгий выговор».

Это свидетельство пока еще «вегетарианского» времени. Потом Александра, давно приученная не доверять бумаге, никому не будет рассказывать, чему ей придется быть свидетелем.

...А роман с Грузией набирал силу. Ей все нравится: звучание грузинского языка, слова. Вязь грузинского письма представляется ей подлинным произведением искусства.

Из письма А. Костюриной – 5 апреля 1933 года:

«...сейчас посещаю Восточный кабинет ЛИЛИ, где пользу-

Здание Санкт-Петербургской Академии наук

юсь при посредстве учительницы грузино-французским словарем, изучая первый и повторяя второй. Ни один язык на давал мне столько «неизведанного», как этот. Зная в совершенстве украинский, прилично французский и немецкий, я бы хотела знать китайский, японский, турецкий, персидский, чтобы овладеть иероглифами, самыми трудными, а в грузинском это не страшно и не утомительно... Бегу как на свидание и грызу гранит, как чурчелу!»

ЛИЛИ — это Ленинградский историко-лингвистический институт, выделенный из состава историко-лингвистического факультета Ленинградского университета в 1930-1931 годах. Воодушевление, с которым Шурочка занималась в ЛИЛИ, не только вызвано ее интересом и, конечно, возникшими чувствами к Пимену Тавадзе, но прежде всего ее глубоким желанием учиться, познавать новое. Это было в ее натуре всегда.

Из письма Пимену Тавадзе — май 1933 года:

«...ты не лишен тонкого вкуса и чутья в выборе присланных гравюр, которые доставили мне большое эстетическое удовольствие: как в золотой арфе дрожат струны от дуновения ветерка, — так и от душевного восприятия...»

...В прошлом году весной я была в Великом Новгороде, где меня потрясла древность: для обозрения византийских фресок с вековым стажем я лезла по лесам под купола, взбиралась на колокольню, на сторожевые башни — впитывала в себя, дышала «вековой пылью».

Из письма Пимену Тавадзе — июнь 1933 года:

«...в 12 часов перерыв ...для писания грузинских букв.

Сегодня в перерыв у самых дверей нашей столовой обвалившаяся с четвертого этажа штука-турка напавал убила одну женщину

Ленинград. Гостиный двор. Здесь размещались мастерские ЛЕНИЗО

и двух тяжело ранила. Быть может, меня спасли грузинские буквы...».

Из письма Пимену Тавадзе — июль 1933 года:

«...у нас теперь перерыв до часу: за это время отдых на пляже (наш островок прекрасен!) и даже катание на велосипеде. Ты умеешь кататься? Нужно научиться — для состязания со мной в гонках! Я такие «страшные» мертвые петли и восьмерки выделяю на Дворцовой площади и мчусь во весь дух по Невской набережной, что даже небу жарко!»

Пимен Тавадзе из московской аспирантуры переводится в Ленин-

град. Теперь они вместе. И после окончания аспирантуры планируют отправиться в Тбилиси. В Грузию...

Однако до отъезда Александре Костюриной удастся уйти из ГИПХа и начать работу в ЛЕНИЗО — товариществе художников, которое представляло собой многопрофильное производственное подразделение творческого Ленинградского Союза художников. Ей удалось попасть туда, где слова «творчество и художники» были сопряжены, где она могла почувствовать себя, по ее же словам, «в своей тарелке».

Товарищество входило во Всероссийский союз работников искусств. ЛЕНИЗО имело в своей структуре массу различных ма-

стерских, производств: архитектурно-художественные, мозаичные, копейные, оформительские, эмальерно-филигранную фабрику, типографию, сеть художественных салонов.

Перед Шурочкой открылся яркий мир, о котором она давно мечтала. В этом мире ей приходилось общаться с художниками разных специальностей: оформителями, живописцами, скульпторами, графиками, мастерами декоративно-прикладного искусства. Тот выбор, который она сделала еще в юные годы, поступив во ВХУТЕМАС, окреп и утвердился в ее представлении как дело всей ее жизни.

Но Костюрина уже стала готовиться к большим переменам в своей жизни. Она привыкла к поворотам судьбы. Ее всегда вела по жизни жажда познания нового и вера в свои силы, в себя. Но в данном конкретном случае ее вела (не вслепую, а наоборот – с широко раскрытыми глазами и распахнутым сердцем) большая любовь.

...Спустя двадцать три года после знакомства с Тавадзе она, будучи в Москве, получила письмо от мужа. И вот ответные строки ее письма.

Из письма Пимену Тавадзе – лето 1958 года:

«Дзвирпасо! Любимый мой! Единственный во всем мире!

Не могу выразить словами чувства, которыми я была охвачена, читая твои письма... Я заново пере-

Александра с матерью и Люциной

жила нашу жизнь, нашу обоюдную любовь и созвучность переживаний... Так любить можно только раз в жизни. Всем сердцем, всей душой!..»

Конечно, ей пришлось столкнуться с трудностями после переезда в Тбилиси. Трудности были разного характера, но она безропотно справлялась. Про себя она всегда говорила: «у меня титаническая выдержка и устойчивость ко всему». И никогда ни на что не жаловалась. В письмах к матери она писала только о том, что ее радовало.

Из письма к матери – февраль 1937 года:

«...у нас все еще тепло, а зимы не было. Уже фиалки цветут».

Тбилиси. Музей шелка

ТБИЛИСИ. ОБАЯНИЕ ШЕЛКА

В 1929 году в Тбилиси была сдана в эксплуатацию большая шелкоткацкая фабрика. Этот год в советское время считали началом масштабного производства шелка в Грузии. Однако шелк в Грузии имел достаточно долгую и славную историю, так что речь не о начале, а о возрождении шелководства.

Специалисты утверждают, что натуральный шелк в истории человечества – самая удивительная ткань. Прежде всего потому, что шелковую нить прядут... насекомые. Тутовый шелкопряд – гусени-

цы бабочки в большом количестве поедают листья единственного дерева в мире – шелковицы (тутовника), а затем «преображаются» в коконы. Из них при определенной обработке вытягивают нить длиной почти 900 метров – тончайшую, почти невидимую.

Шелководство в Грузии, где издавна росли тутовники, по мнению историков, зародилось еще в V веке. Именно тогда грузинский царь Вахтанг Горгасали привез из Индии горсть грен (яиц шелкопряда). В произведении Якова Цуртавели «Мученичество святой царицы Шушаник» рассказывается, что супруга правителя Картли, жившая в V веке, занималась «вязанием из шелков». И это также подтверждает развитие шелководства в Грузии.

А в XIII веке венецианский пу-

тешественник Марко Поло писал: «В Тифлисе много шелка. Здесь изготавливают шелк и золотые ткани, равных по красоте которым нигде не найдешь!»...

С богатством и разнообразием шелковых тканей Александра Костюрина-Тавадзе познакомилась на Тбилисской шелкоткацкой фабрике. Она сразу поняла, что это ее мир, пространство для ее фантазии и огромное поле для творчества. Ее самая излюбленная тема в рисовании – цветы – именно здесь нашла воплощение.

Она представила свои эскизы на Тбилисской шелкоткацкой фабрике. И встретила здесь благоприятное и дружелюбное отношение. Ее работы выдавали профессионализм, художественный вкус и владение рисунком. За ее плечами

были ВХУТЕМАС и ЛЕНИЗО – а это были очень весомые аргументы. Тбилисская шелкоткацкая фабрика получила самобытного и интересного художника по тканям.

Из письма матери – 7 ноября 1938 года:

«...мои вещи получили одобрение и попали на выставку, а это не шуточный рост!..».

Разглядывая ее сохранившиеся работы, понимаешь, каким мастерским рисунком и тонким сочетанием цветов выделяются они. Как далека от агиттекстиля обаятельная женственность этих тканей, сколько в них милого кокетства и задорной молодости. Клод Моне говорил: «У меня два героя: свет и

Тбилисская шелкоткацкая фабрика

Скатерти А. Костюриной-Тавадзе

цвет». И у Костюриной – много света и тонкие переливы цветов. Она сама прекрасно шила и в рисунке ткани видела платье, костюм, видела то, что должно было украсить женщину, придать ей очарование и элегантность. В тканях Костюриной-Тавадзе, несомненно, присутствовала особенная рафинированность искусства.

Кроме рисунков для тканей, Александра стала создавать масштабные панно: это были сюжетные композиции на тему сбора урожая, плодородной кахетинской земли с ее дарами. В 1940-ом, когда дыхание войны достигло Грузии, когда все вокруг заговорили о возможности военных действий, у нее возникло желание сделать что-то от себя. Так появились панно, отражающие будни пограничников. В первый военный год она, отложив все свои дела, день и ночь рабо-

тала над панно с военной тематикой. Хотелось бы отметить эти ее работы, они привлекают внимание характерными именно для живописца композициями, тонкой и профессиональной выписанностью портретов и великолепным колоритом.

К концу тридцатых годов Александра стала работать с ручной росписью на ткани. Батик давно интересовал ее. Она сама освоила этот довольно сложный метод. В те годы батик не был так популярен, как сегодня. Его освоение требовало применения не только теоретических знаний, но и практических навыков работы. Вот где пригодились качества ее характера – настойчивость и ответственность. Батик не ограничивает фантазию мастеров, он предоставляет практически неограниченные возможности для самовыражения. Возможно, именно поэтому

Панно А. Костюриной-Тавадзе «Пограничники»

П. Тавадзе и А. Костюрина

эта техника стала приоритетной для Александры.

Слово «batik» имеет индонезийское происхождение. Оно означает в переводе на русский язык «каплю воска». Чтобы получить ткань, декорированную в этой технике, необходим воск или парафин: нужно покрыть часть участков ткани составом, препятствующим проникновению краски, затем приступить к окраске шелкового полотна. И тогда на материале получается заранее продуманный узор. Но сколько нужно осторожности, как надо владеть техникой нанесения воска или парафина, чтобы получился желаемый и, конечно, сложный узор. Стоит заметить, что хоть слово «батик» имеет индонезийское происхождение, родиной его является Китайская им-

перия, а возраст этой техники исчисляется тысячелетиями. И, конечно, наилучший для окрашивания материал – шелк и еще раз шелк. Таким образом, выбор техники для Александры стал успешным благодаря шелку – ее действительно самому любимому материалу.

В годы войны Тбилисская шелкоткацкая фабрика продолжала работать, хотя тематика выпускаемых тканей, безусловно, изменилась. Необходимо был шелк для нужд военного времени. И фабрика поставляла продукцию, которая шла на фронт.

В 1944-ом Александра родила дочь Олесю. Теперь уход за дочерью на время вытеснил рисование. Пимен Тавадзе напряженно работал над кандидатской диссертацией. И его правой рукой и помощницей,

Александра в национальном костюме

как всегда, была жена.

И все же, несмотря на домашнюю занятость, она выбирала время для рисования. Хотя теперь она рисовала не только акварели и эскизы для тканей, но еще и детские книжки, шила оригинальные детские платица, чепчики и массу милых вещичек, все то, что до сих любовно сохраняется в семье дочери.

Летом семья отправлялась в Кахети: между селами Шалаури и Курдгелаури была опытная станция, где работал Пимен Тавадзе и его сотрудники. Вокруг – с двух сторон станцию окаймляло море виноградников.

Олеся росла, а Александра наслаждалась природой и всем, что дарил ей благодатный кахетинский

край. По воскресеньям она вместе с дочерью непременно, в любую погоду, отправлялась на базар.

И вот почему. Национальные костюмы, в которых приезжали (на арбах, запряженных волами, буйволами) в Кахети крестьяне из разных уголков Грузии – Тушети, Пшав-Хевсурети, Картли были в глазах художника необыкновенным источником подлинного творческого вдохновения. Хевсурская вышивка ее восхищала. Она приобрела национальную одежду для себя и щеголяла в ней с удовольствием. Часами разглядывала рисунки, впитывала в себя сочетание красок, орнамент. А еще внимательно вслушивалась в интонации, в напевность речи приезжих крестьянок, чем их очень потешала. Весь этот дивный мир народного творчества позже найдет замечательное отражение в работах Александры Костюриной-Тавадзе.

Во дворе дома, где они жили, она натягивала холст на подрамник, брала в руки кисти и в этот момент счастливее нее никого не было.

Тем страшнее и трагичнее стало для всей семьи известие о том, что в их отсутствие все, что было в деревенском доме, сгорело. А был архив, книги, масса акварелей, живописных работ, коллекция вышивок и много-много всего, что с любовью и восторгом приобреталось и бережно хранилось.

Годы в Кахети повернули ее вплотную к серьезному увлечению народным творчеством. Это было похоже на родник, подаренный самой природой, чистое, незамутнен-

ное ничьим влиянием, самобытное творчество. Для нее это было подлинным искусством, которое она сердцем и разумом приняла, оценила и всей душой полюбила.

И даже разлука с Тбилиси и Кахети, вызванная переездом на несколько лет в Москву в период работы Пимена Тавадзе над докторской диссертацией, не ослабили в ней этого сильного чувства.

А московский период был с избытком наполнен встречами, общением с интересными людьми. При ее коммуникабельности вокруг сразу образовался круг ярких личностей. И Александра (к тому времени муж переименовал ее в Олеси) вновь вернулась к былым увлечениям: выставки, спектакли, просмотры фильмов, поездки в Переделкино, встречи с Корнеем Чуковским, Львом Кассилем. И всюду – с дочерью и мужем.

Из письма Корнея Чуковского Александре Костюриной-Тавадзе – лето 1956 года:

«...В скором времени выйдет моя новая сказка «Бибигон», и я сочту своим долгом послать ее Вашей Олесе. Горячо приветствую Вас.

Вам преданный Корней Чуковский».

Из письма Льва Кассиля Александре Костюриной-Тавадзе – 8 августа 1957 года:

«Самый добрый привет мой ми-

лой семье Тавадзе: неутомимой рисовальщице Олесе и ее маме с папой! Спасибо большое за присланные образцы кукольного гардероба, так затейливо изящно продуманного, столь разнообразного по узорам, мотивам и фасонам... Дочка моя Ирочка с удовольствием одевает своих кукулят в платья, сделанные по фасонам Олеси...

Желаю благополучия! Лев Кассиль».

Пимен Георгиевич Тавадзе в 1956 году блестяще защитил докторскую диссертацию. Плодотворный труд в научно-исследовательском институте виноградарства и виноделия Академии наук Грузии был увенчан успешной научной работой, которая была высоко оценена не толь-

«Голубой букет»

Борис Костюрин – брат

ко в Грузии, но и за ее пределами. Александра Григорьевна чувствовала себя именинницей. Она тоже была причастна к этому труду: переводы с французского, корректура и печатание русских текстов и многое другое она выполняла с большим прилежанием. И еще один нюанс. При том, что она сама, можно сказать, не владела грузинским языком, настойчиво и упорно обязывала свою дочь Олесю писать по-грузински красиво, по-художнически профессионально выписывая каждую букву. И поздравление отцу после защиты диссертации, написанное дочерью под руководством матери, настолько изящно, что его можно показывать как образец каллиграфии. И в этом безусловная заслуга Александры Григорьевны, по-настоящему влюбленной в грузинскую письменность. Ее заслуга в приобщении обеих дочерей к грузинской культуре поистине

бесценна.

За годы, проведенные в Тбилиси и Москве, в семье Костюриных произошло много разных событий. Война принесла трагическую весть: во время блокады погибла мать Александры – Прасковья Львовна. Брат Борис был одним из тех, кто напрямую был причастен к знаменитой ледовой дороге, которую позднее назвали Дорогой жизни. Инженер-мостовик по профессии он день и ночь проводил там. Ему удалось вывезти мать, но она вернулась в Ленинград. У нее была надежда, что все образуется, что город и она вместе с ним выстоит, выдержит мучительный холод и невыносимый голод. Не выдержала. Борис не знал, что она вернулась. И сын, и дочь тяжело пережили гибель матери. Борис прошел войну, был ранен, и его ранение тоже было поводом для сильных переживаний.

Из письма Александры Костюриной Пимену Тавадзе – лето 1960 года:

«...По Ленинграду хожу, как у себя дома. Глаза только на мокром месте, все вспоминаю свою дорожку маму, как бы хотела с ней «пошептаться», каждый штрих вспоминается с глубокой горечью утраты беззаветной материнской любви. Все видится мне она: в последний раз провожая, она бежала за уходящим поездом и плакала... Многое связано с Ленинградом, и эти воспоминания вырываются, как голубые огоньки из пепла...».

Люцина Тавадзе после окончания школы в Тбилиси поехала в Ленинград к дяде Борису. Поступила в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Еще студенткой вышла замуж. Ее избранником стал архитектор Константин Хомутов.

Семья Тавадзе после защиты диссертации вернулась в Тбилиси. Домой.

ПУТЕШЕСТВИЯ. МУЗЕЙ

60-е и начало 70-х в жизни Александры Григорьевны были наполнены впечатлениями от путешествий по стране. Она щедро делится ими со своими близкими. Карта переездов и передвижений достаточно обширна. Остров Диксон, Прибалтика, Иркутск и снова Москва, Ленинград.

Из письма Александры Костюриной-Тавадзе дочери Олеся — 20 июля 1964 года:

«...Хочу поделиться с тобой впечатлениями от полета. Какая красота! Какая необъятная небесная ширь! Горы полосатые, как зебры (с тающими снегами), белые шапки великанов! А что за чудо облака! Небесные оазисы, леса, океаны...

На острове Диксон

Ослепительная белизна, переливы голубого цвета, розовая дымка, как воздушная вуаль... Айсберги, белые медведи, замки, бесподобные в своем многообразии!».

В 1962-м она с Олеся в Ленинграде. И первое, о чем она рассказывает мужу — что они видели, где и на каких выставках побывали.

Из письма Александры Пимену — 2 июля 1962 года:

«...Была с Лесиком на выставке западного искусства, там же открылась выставка работ П. Кончаловского. Любовались работами японских ребят. Всего не высказать... душа поет и откликается на все прекрасное, все струны звенят...».

Годом позже Александра в Мо-

Рига. Домская площадь

скве. У нее дела бытового, житейского характера. Но и при всей занятости она успевает побывать во Дворце съездов и восхититься увиденным балетным спектаклем. Но в этом московском письме практически через абзац следует «Хочу домой!». *«Я какая-то стала тихая и немного плачу, сама не знаю почему. Может быть, потому что в таком огромном муравейнике иногда чувствую себя одиноко, как в море песчинка и муравей в мироздании».* И снова фраза, как крик любви: *«Хочу домой!».*

Хотелось бы напомнить читателям, что у Александры были два брата. С Борисом связь никогда не прерывалась: приезжая в Ленинград, Александра всегда оставалась именно у брата. А вот

следов младшего брата Виктора ни в одном письме обнаружить не удалось. И вот в одном из писем она обращается с просьбой к мужу: «... зайди в публичку и в отделе международного обмена (2-ой этаж) узнай, какие журналы «Народной Румынии» не были высланы из Москвы по моей заявке в апреле...».

Позже проявился интерес к Румынии. Брат Виктор оказался в Румынии. Как, когда – неизвестно. Но Александра, узнав об этом, приняла участие в конкурсе, объявленном журналом, вышла победителем, но ее не выпустили. Она тяжело переживала. Очень надеялась повидаться с братом. Единственное, что осталось в ее бумагах, – фото пятилетней внучки Виктора. А причину умалчивания этой тяжелой

темы – опять же надо искать в обстоятельствах того времени. Оттепель завершилась.

Но путешествиям преград нет. Прибалтика – Таллин и Рига. И снова Москва – июнь 1967 года: «...в осмотре выставок многое успела. Была в Академии художеств – смотрела работы выпускников Суриковского училища (летняя практика). Огромная выставка в Манеже «Моя Москва» идеальна поиском и схваченными моментами».

А дома, в Тбилиси, в ее жизнь активно вошел Музей народного творчества и прикладного искусства Грузии. Это особенный музей, который согревает души тех, кто умеет любоваться народным творчеством и понимает его непреходящую ценность.

У Музея интересная история, долгая и насыщенная не только разнообразными, но прежде всего значительными событиями. С 31 декабря 1899 года Кустарный музей (так он назывался в то далекое время) ведет сбор музейных экспонатов:

На выставке в музее

золотых и серебряных изделий, шерстяных и шелковых тканей, кружев, ковров, кожаных, меховых, металлических и керамических изделий. То есть именно с того дня (перед началом нового века) Музей начал отсчет своих плодотворных будней. Во-первых, участие в международных выставках привлекло внимание к самобытному народному творчеству Кавказского региона и Грузии в частности. Во-вторых, в самой Грузии музейная деятельность объединила вокруг себя талантливых народных творцов и стимулировала многих и многих художников-прикладников к творческим поискам.

Одной из них была Александра Костюрина-Тавадзе. На выставку – для нее первую после переезда в Тбилиси взяли ее работы, о кото-

На выставке работ А. Костюриной-Тавадзе в Музее.

В центре – Н. Свентицкий и Олеся Тавадзе

рых она сообщает матери. И это не просто «нешуточный рост», определением которого она себя награждает, а настоящий успех. Ее работы оценили по достоинству. А дальнейшие творческие поиски привели ее к созданию замечательных скатертей. Удивительные по своим рисункам и цветам скатерти, во-первых, стали настоящей данью истинно народным и глубоко национальным традициям, во-вторых, были наполнены творческой и индивидуальной свежестью и новизной художественных решений.

Синий цвет был избран Александрой Григорьевной и как воспоминание о прошлом, и как возможность насытить рисунок современным звучанием цвета.

Самое раннее упоминание синей скатерти в грузинских источниках относится к XVI веку. Но это не означает, что ее не делали гораздо

раньше. В девятнадцатом и начале двадцатого веков синяя скатерть вообще стала характерной деталью грузинского быта. Она была практически во всех домах страны, богатых и бедных, выполняла роль парадной, праздничной – на Рождество, Новый год, Пасху, на свадьбах. В советский период синяя скатерть в основном ушла из обихода. И Александре Костюриной-Тавадзе принадлежит заслуга в возрождении именно синей скатерти – с ее авторскими мягкими акцентами и сложными орнаментальными вариациями.

Скатерть по-грузински – «супра», короткое слово, но звучит торжественно и заключает в себя многомерный смысл: это застолье и, главное, гостеприимное застолье за столом, уставленном всевозможными яствами. Вглядитесь в скатерти героини нашего рассказа,

сколько в них обаятельной красоты, скромности и достоинства. По мнению психологов, скатерть синего цвета приносит в дом спокойствие. Синий располагает к размышлениям и вместе с тем освежает и заряжает бодростью. Это не только эмоциональный, но и духовный цвет.

В письме к брату она просит достать ей ультрамарин: «...если сможешь достать мне ультрамарин (стакана 2), мне он очень необходим, так как никакая смешанная краска не дает такого эффекта и не перекрывает все цветные пятна...».

Скатерти, косынки, ткани, зарисовки, эскизы – Музей бережно сохранил изделия Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе. И в 2017 году по инициативе сотрудников Музея из фондов были извлечены работы Александры Костюриной-Тавадзе, чтобы порадовать многочисленных зрителей богатством и разнообразием ее произведений.

Большинство этих работ вошло в красочный и прекрасно изданный альбом, вышедший в том же году. издание его – заслуга Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Автор проекта – Николай Свентицкий, автор-составитель – Олеся Тавадзе.

Выставка и альбом стали своеобразным поклоном и выражением благодарности самобытному таланту художницы, искренне и глубоко полюбившей народное творчество Грузии и в целом культуру страны, ставшей для нее второй родиной.

А. Костюрина-Тавадзе

УХОД

Она ушла из жизни в 1978 году. Ушла из дому так, как поступала обычно. Независимо от всех, избрав в этот день поездку в деревню. Как она, 78-летняя женщина, хотя и полная энергии и способности двигаться не в пример некоторым своим сверстницам, отважилась одна заняться сбором урожая, как поднялась на дерево? Нет ответа на этот вопрос.

...Осенний день был необыкновенно красив. Ветви трепетали на мягком ветру. На вершине тянувшегося вверх, к небу, дерева все вокруг было похоже на картину. Картину, которую она не успела дописать...

...Она еще немного прожила, когда ее доставили в больницу. Не жаловалось. Обводила рукой на стене контур цветка. Это был ее последний рисунок...

ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

МОЯ МАМА

«Между чувством и сентиментами невозможно провести границу, однако ее нельзя переступать».

Артур Рубинштейн

Не стану томить ни себя, ни читателей долгими преамбулами. Все относительно, безотносительно только Материнство, Материнство как служение. С этой «ипостаси материнства» я и хочу начать свои воспоминания.

Что касается заслуг Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе как художницы – сторонний глаз куда менее пристрастен, наследие само говорит за себя, да и время, как всегда, самый строгий судья и ценитель.

Четко осознавая программность темы «Русские в Грузии», с уверенностью могу сказать, что потеря культурного оберега это и есть потеря наследников этой культуры, не возвращенных, не приобщенных, чем чаще всего и обесценивается само понятие культуры.

неразделимы – Грузия, кахетинские, имеретинские деревни, обетованная Сванети, бескрайние виноградники, реки Алазани, Риони, снежный Кавказ, такой органичный на этом фоне грузинский папа и вдруг надо всем этим белокуро-воздушное ви-

Первые воспоминания детства **С дочерью Олесей Тавадзе**

дение... Тревожное ощущение ино-родности, несоответствия мамы с пейзажем будоражило детский конформизм. И неудивительно...

Кахети, Телави, воскресный базар, тебе 3-4 года, головой едва достаешь до прилавка, а над тобой красавица-славянка категорично и настойчиво требует – слушать, смотреть, любоваться, запоминать на всю жизнь невероятные красоты народного, хевсурского, рукотворного, домотканого костюма. А за прилавком хевсурки в невероятном, домотканом, рукотворном, онемев от непонятных речей и непривычного зрелища, остолбенело смотрят в ответ. Торга не было, да и не за этим водили дитя на рынок, не за хлебом единым. И так от воскресенья до воскресенья... Так оно и воскресало это невероятное, народное, домотканое.

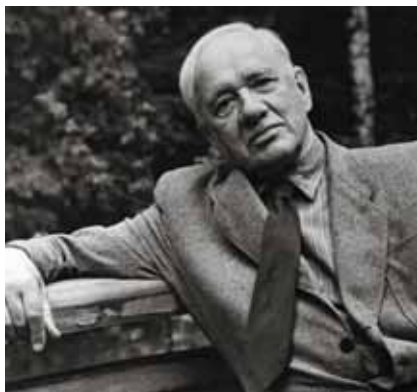
Или – Имерети, Мтисдзири, имеретинский каштановый дом, дедушка с бабушкой. И опять – слушать, любоваться, запоминать: дом этот не просто «дом, который построил дед», а грузинское, народное, рукотворное, деревянное зодчество. И опять ни слова по-русски не понимающие дедушка с бабушкой. А для дитяти новое слово – зодчество. Слово словом, но не просто осознать и запомнить, а обязательно и безоговорочно – нарисовать. А как же дедушка!? Ведь это они, безымянные, народные зодчие. А тут такое везение – дедушка и зодчий в одном лице! И как не воздать, как не нарисовать! И повинешься, и рисуешь рукотворное зодчество, и рису-

Я с мамой

ешь деда с именем и отчеством, и приобщаешься к народному, грузинскому.

А дома, у себя, не в гостях, не на рынке? Ежедневно и безоговорочно – чтение, пересказ, рисование иллюстраций к прочитанному, орнаментальных эскизов, платьев для кукол, составление гербария, познавательное рисование растений, листьев, плодов, перьев птиц, писание писем по всем правилам вежливости и по всем адресам, чистописание на незнакомом грузинском, да ведь и понимать не обязательно, так красива, так прекрасна, ни с чем не сравнима грузинская каллиграфия! А язык – он вокруг! А вот наконец и долго-

Корней Чуковский

жданый, после работы, папа, заслуженный отдых, «Красота форм в природе» Геккеля, грузинские стихи, любимый Галактион, Гранели и правило на всю жизнь – с отцом говорить только по-грузински.

Вокруг стеллажи с книгами, на стенах работы мамы – натюрморты, портреты, батика. Во дворе среди кахетинских виноградников – подрамники с натянутым шелком, воск, анилиновые краски, стеклянные трубочки, кисти и синие скатерти, именно, мамыны.

И никаких пересудов, никаких голосов из внешнего мира, только музыка...

А когда началась школа, появились города, Тбилиси, Москва, Ленинград, возникло и искусство, и оказалось, что не только народное, безымянное. Музеи, театры, концерты, выставки, художники, писатели. В Грузии – Елена Ахвледиани, Ладос Гудиашвили, Давид Габиташвили. В Москве, Переделкино – Корней Чуковский, Лев Кассиль, Петр Кон-

чаловский, знакомство и приобщение. И по-прежнему ежедневно – иностранный язык, музыка, пение в московской Гнесинке, балет, грузинские народные танцы, учеба игры на чонгури и, как награда, ошеломляющая поездка в Артек грузинки в грузинском национальном костюме. Учеба, приобщение, постижение.

Не все забыто культуры ради, впечатления остаются на всю жизнь. И хочется вспомнить...

Мы с мамой в гостях у Чуковского в Переделкино. Старшим есть о чем поговорить. Корней Иванович не только тонкий знаток детской души, но и вежливый хозяин, решает произвести впечатление и на малолетнюю гостью. Он, не прерывая разговора, вдруг вскакивает и неожиданно демонстративно, с легкостью перешагивает, то бишь «перелетает» через спинку огромного дивана, с вопросом: «А ты можешь?». «Ни тогда, ни теперь», – был бы мой ответ сегодня. А тогда, от оторопелости, и не запомнилось, смогла ли,

Лев Кассиль

В гостях у Ладó Гудиашвили

ползая на четвереньках.

Или в гостях у Ладó Гудиашвили. Разговор, как всегда, об искусстве. Я уже выше ростом, «навидалась» Репина, Рембрандта, мню о себе, можно обойтись без диванных кульбитов, и соответственно ко мне уже взрослый вопрос Ладó Давидовича: «А нравятся ли тебе, детка, картины Пиросмани?» Каверзу вопроса недостаточно было почувствовать, надо было и славировать, но честность — достоинство непреходящее. Сегодня же ответ был бы решительно и однозначно согласный, но до этого надо было дорасти вопрошаемому, а вопрошающему дожидаться...

Ленинград. С мамой (а с кем же еще!) — Эрмитаж. Хожу уже не за руку и ручками ничего не трогаю, но как-то не с той стороны присосе-дилась к экскурсии. И вдруг — «они

не с нами!» — отрезвляющий окрик экскурсовода вернул к действительности. «Извините, — был мамин ответ, — но девочка не из праздности, а коллегиальности ради, сама могла бы рассказать. Если не верите...» — «Проверим, поверим!». Резюме было восторженным — «Вы с нами!»

Москва. Большой театр — все бессмертные Щелкунчики, Отелло, Аиды, Лебединые озера, вплоть до гастролей Китайской оперы, лицезрето и прослушано. Мы с мамой (а с кем же еще!) в театре. На очереди «Демон» — Лермонтов, Рубинштейн, боготворимый Врубель и самое главное — Родина, Грузия, «Кавказ подо мною», красавица Тамара... Медленно поднимается занавес, на сцене — гора, черный дым, тревожно возникающее чудище и... истощный вопль ужаса в партере! Не по летам долговязое дитя выдворяется из те-

атра... То, что несовершеннолетних в театр на вечерние спектакли не допускают, я знала от мамы (от кого же еще!) и всегда вела себя по инструкции. Но на сей раз не сработало – «Демон» на то и Демон!!! Допускали ли в дальнейшем Александру Григорьевну?!..

Москва, Гнесинка (престижное музыкальное училище), я – певица. Соответственно заведению все возрастающее самомнение – солистка в хоре! Спустя некоторое время узнаю от Александры Григорьевны (от кого же еще!): солистка не по другой какой причине, а всего лишь – из многоголосого детского хора только грузинка смогла подпевать произносимое для русских азербайджанское «Джиб, джиб, джуджалярим». Самолюбивому дитяти этого можно было и не говорить... Так в детстве, да и много позже, все свои достоинства и победы (свои же!) мы склонны приписывать себе и только, если вовремя не осадить, из лучших побуждений...

Хочется вспомнить, раз уж разговаривалась, и историю с иностранными языками.

Будучи в полном смысле во власти матери, не мне было выбирать, какой иностранный язык учить, и под маминым оком, с грехом пополам постигала азы французского и немецкого. А повзрослев, из упертого нонконформизма, заявила, что никакой, кроме английского, и мама, со своими азами, тут не учитель. И каково было, много лет спустя, на озере Рика, услышать мамин дивный французский в разговоре с по-

раженными не менее меня, французами. «Как Александр Казбеги со своим французским в горах Кавказа», сказала бы мама, (но это уже не из ее познаний). Видимо, у нас в доме даже знание языков ждало своего часа и спрашивалось только с непосвященного...

Так много о чем есть вспомнить и с конформизмом и без. Такое пасторальное, такое на зависть счастливое детство! Столь невероятное в смутное послевоенное десятилетие следом за 1944 годом. И такая юность, оплаченная служением Материнства с большой буквы, служением как культурному долгу, что отдан сполна и завершился в 1978 году, последним годом жизни Александры Григорьевны.

И как ни банально звучит, но время после ухода Александры Григорьевны я назвала бы жизнью после смерти.

* * *

«Мимикрия, как борьба со смертью»

Ничего документально-биографического о происхождении, о детстве, о личной жизни Александры Григорьевны мне не дано было знать. На все наводящие детские и повзрослевшие вопросы: а кем был русский дедушка, а кто был отец моей старшей сестры Люцины, а кем были дяди и тети, а были ли, где и когда, кто и что – ответ был раз и навсегда, в свою очередь вопросительно один и тот же – «А что?». Даже казалось бы, столь очевидные

Москва. Большой театр

имя и отчество, год и место рождения моей матери на проверку оказались не изначальными...

Куда дальше! – даже то, что забываемый дом моего кахетинского детства среди виноградников, с книгами, картинами и синими скатертями сгорел, испепелился, я узнаю не сразу в свои 13 лет в 1957 году, в Москве, а много, много позже... из переписки мамы с Львом Кассилем!

Чему же удивляться, что только в больнице, в день смерти, нарисовав последний цветок слабеющей рукой, Александра Григорьевна своим уходом сняла запрет на гласность. И чудом уцелевшее заговорило...

Отпевание в церкви, в Тбилиси, в 1978 году – это вызов. Однако нонконформизм на сей раз был всего лишь желанием дозволения православной ритуальности на грузинской земле. И это было позволено в последний день, не в последний

раз... На фоне тотального молчания о вероисповедании Александры Григорьевны можно было только догадываться или предполагать, если разделять мнение Иосифа Бродского, что «позиция стойка в равной мере подходит как верующим, так и агностикам». Успокоив сердце, взялась оповещать кончину по всем знакомым и незнакомым адресам, во все концы одной шестой земного шара. Ответы были, и один из них оказался ответом на многие безответные вопрошения детства. Ксения Григорьевна Тарапата – царствие ей небесное, подруга мамы гимназических лет из Бердянска. Завязалась переписка. Возникли непраздные вопросы «вокруг да около», а пугающее ощущение параллельных миров и смещения времени. Трудно поверить, но даже прояснявшиеся протоколно-биографические данные заслуга не одной Ксении Григо-

Олеся с мамой и папой

рьежны Тарапата...

И только теперь, готовясь писать, еще и еще раз перебирая письма и фотографии, перепроверяя даты, ощутила, что время помнить и помнить было и есть – было и есть всегда, но не для всех – только для верных, для преданных.

Нужны были годы, чтобы дорости до осознания завета о.Павла Флоренского уважать и изучать генеалогию своего рода. Нужно было ощутить, что «подлинная связь – это связь духовная, а не природная, не социальная, и достигается она только перед лицом «абсурдных ситуаций», «последних вопросов», когда общение людей совершается на экзистенциальном уровне» (Лев Гумилев).

Но если верить, что «Deus conservant omnia», то всему свой час, и ничего не остается, как надеяться и ждать...

* * *

*«Культура это то, что остается,
когда все остальное забыто».*

Эдуард Эррио

Нужна была обязующая мотивация, нужен был профессионализм и доброе сердце Марины Мамацашвили для дотошных «раскопок», изучения под лупой чудом уцелевших открыток, истлевших писем, выцветших фотографий, случайных конторских записей, неосторожно сохранившихся архивных отчетов, и, наконец, интернет. И воскресало прошлое. ...Но если биография прояснялась, это еще не означало знакомства с художником.

И случилось неожиданное – персональная выставка работ Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе, организованная Государственным музеем (и из фондов музея) народного и прикладного искусства Грузии, и издание Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» альбома-каталога работ художницы.

Стыдно признаться, кому как не дочери было знать, что служение Александры Григорьевны не ограничивалось материнством – она была художником. Откровение было впечатляющим... и грустным...

Выставка состоялась в 2017 году, спустя без малого сорок лет после

кончины Александры Григорьевны и немислимо поздно для повинности и замаливания дочерних грехов... Но появилось и чувство причастности, ответственности за каждое обнаруженное слово, живой интерес «археолога», и, не скрою, – гордость.

Художники меня поймут – персональная выставка, даже для автора, это отрезвляющий взгляд, это осознание остова, ощущение эмоциональной константы. Любой вид искусства, даже прикладной, может выдать и выдает потаенные типологические характеристики.

Зная о пережитом Александрой Григорьевной, о ее категорическом стоицизме, не столь удивляет лишенная драматизма энергетика ее работ, как их абсолютное, безмятежное упоение жизнью, их пасторально-девственный мир. Синие скатерти, букеты фантастических цветов, эскизы росписи тканей – можно понять – не драматический жанр. Но композиции на батальные темы? Разведчики, пограничники, парашютисты?! И вдруг осеняет, что только не тая зла, не сводя счеты, вопреки всему, выживает в сердце солнечное тепло и несокрушимая воля к жизни, жизни как к творчеству. ...И иными глазами смотришь на вариации букетов, что всю жизнь висели на стенах твоего дома, на акварельные автопортреты мамы юных лет, непривычно ласково глядящие вслед тебе из овалов, альбомные наброски, дневниковые зарисовки, рукотворную, рисованную для тебя, неумехи, «Репку».

«Репка», столь знакомая рус-

ская сказка – крошечная, 12х17см. чудом уцелевшая книжонка, рисованная маминой рукой, цветными карандашами на выцветшей газетной бумаге. Рисовалась книжечка (высчитывая возраст «адресата») в послевоенные «догутенберговские» годы, когда забота о духовной пище дитяти была роскошью и уделом богатых духом. Богатых духом, даже лицом к лицу со смертью не ропщущих и рисующих. Бережно перелистываешь невесомые странички памяти, осознаешь цену сдержанной материнской жертвенности, и отзываешься, и «...как в золотой арфе дрожат струны, от дуновения ветерка – от душевного восприятия...».

Цитата эта из маминого письма, как нельзя точнее, иллюстрирует стиль романтично-эстетских салонов дореволюционных лет, когда отстраненность от очевидного оказалась губительна. Но впоследствии эта же отстраненность и сохранила не только жизнь Александры Григорьевны, но и столь узнаваемое золотое дуновение тех времен в ее работах. И, может быть, это и есть самое драгоценное в наследии Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе – связь времен и связь культур.

И великая благодарность тем культурам и временам, тем музеям и их хранителям, тем энтузиастам и их сообществам («Русскому клубу»), что берегут нашу общую память, в назидание заветов о.Павла Флоренского и Льва Гумилева, и в почитание всех сподвижников искусства от мала до велика.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
УЕЗДНЫЙ ГОРОД БЕРДЯНСК.....	6
ГОД СУРОВЫХ ПЕРЕМЕН	12
МОСКВА.ВХУТЕМАС. ЗАМУЖЕСТВО	19
ЛЕНИНГРАД. 30-Е ГОДЫ	29
ТБИЛИСИ. ОБАЯНИЕ ШЕЛКА	36
ПУТЕШЕСТВИЕ. МУЗЕЙ	45
УХОД	46
ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ	
МОЯ МАМА	50

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:
**«Департамент внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и «Правительства Москвы»**

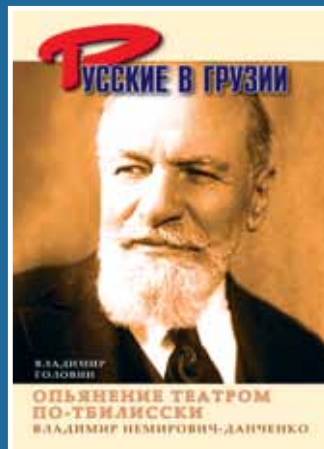
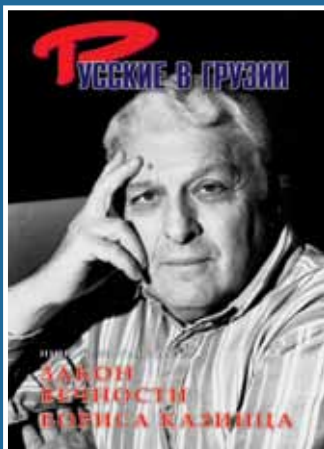
Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
РЮРИКОВИЧ В
ГРУЗИИ:
«ХУДОЖНИК И
МАСТЕРОВОЙ»
ГРИГОРИЙ ГАГАРИН

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Марина Мамацашвили окончила факультет журналистики ТГУ им. И. Джавахишвили. Работала в газетах «Молодежь Грузии», «Заря Востока», «Свободная Грузия», информационном агентстве BGI, собственным корреспондентом Агентства печати «Новости» (АПН) по Грузии. На радио «Аудиенция» была автором и ведущей литературных и публицистических передач. Автор сценариев научно-популярных фильмов «Доходные отходы» и «Золотая рыбка». Редактор книг «О кино и не о кино», «Оглядываясь с любовью».

Олеся Тавадзе окончила Тбилисскую Академию художеств; училась в Московском полиграфическом институте (книжная графика). Работала главным художником в грузинских театрах, вела курс истории костюма в ТГУ. Лауреат художественного конкурса ЮНИСЕФ (2001 г.); автор детской книги «Bursunsul and Paskualina», издана на 16 языках мира. Автор двух сборников «Грустные записки» и «Ореховые ветры». В 2013 году состоялась персональная выставка в Музее истории Тбилиси («Карвасла»), а Министерством культуры Грузии был издан альбом, посвященный ее творчеству.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

